

Будучи джентльменом, Август решил было тихо удалиться, сделав вид, будто не застал юную леди в столь щекотливом положении. Но Анна заметила его ещё на подходе — Август не таился и не подозревал, что здесь кто-то есть.

Анна поспешно встала, смахивая слёзы рукавом. Она не знала, кто этот юноша, но дорогая одежда и врождённая аристократическая осанка говорили сами за себя.

— Простите, я помешала вашей прогулке?

— Ничуть, — ответил Август, застряв в нерешительности. Следовало бы принять её слова и отпустить, но это лицо... знакомое, да ещё и в слезах. Он не мог просто уйти.

Потому он шагнул вперёд и протянул Анне белый носовой платок — без каких-либо гербов или меток.

Годы, проведённые рядом с Рафаэлем и его педантичными учителями, научили Августа осторожности. Если он того пожелает, не останется ни единой улики, что могла бы указать на него.

— Позвольте бестактно спросить... почему вы плачете?

— Вы не поймёте, юный лорд, — Анна смотрела на Августа сверху вниз (он был заметно ниже) и, будучи с ним ровесницей, ошибочно приняла за сына хозяина поместья.

Август же, видя, что Анна с детства была выше и полнее сверстниц, счёл её почти взрослой девушкой. — Возможно, и не пойму, — сказал он. — Но я умею слушать. И скромничать. Мы не знакомы — мне даже легче. Я могу стать вашим «деревом», если хотите.

— Деревом?

— Вы не слышали сказку про короля с ослиными ушами?

Анна покачала головой:

— Но я уловила суть. Пожалуй, и правда стоит выговориться... Простите, что отнимаю ваше время.

Август пожал плечами с шутливой улыбкой:

— Вы не поверите, но я страдаю от избытка свободного времени.

Анна наконец рассмеялась.

И тут Август понял, откуда это смутное чувство знакомства. Её улыбка — точь-в-точь как у брата, того самого обаятельного епископа. Не встретить он прежде Рафаэля, возможно, счёл бы того своим идеалом. Август знал, что у епископа есть сестра, которую пристроили в Лондон. Раз уж она сестра знакомого — тем более нельзя оставлять в беде.

— Я влюбилась в одного человека...

Едва Анна начала, Август уже предугадал конец:

— Но он не отвечает взаимностью?

— Хуже.

— Он вас обманул?

— Нет-нет, ничего подобного! — Анна энергично замотала головой. — Он хороший человек. Это я всё неправильно истолковала. — Её горечь крылась в собственной наивности: она приняла случайный взгляд за знак симпатии. Теперь она даже сомневалась: а был ли тот взгляд вообще? Не придумала ли она его от сильного чувства? Стыд жёг изнутри.

Первый порыв сердца... и такой обидный итог. Сколько раз в жизни отважишься на такое безрассудство? Один, от силы — больше не хватит духа.

— Ошиблись — и что с того? Забудется. С чего такая неловкость?

Август намеренно говорил легко, стараясь снять напряжение.

— А вы... не считаете меня душой? — Анна не решалась произнести худшие слова, но ей чудилось, что другие думают именно так. — Я просто посмешище.

Даже леди Джейн, та её пожалела.

— Вовсе нет, — Август взглянул на неё с искренним участием. — Вы смелы. Смелее всех тех аристократов, что сидят в том зале. Поверьте, многие из них не смеют признаться даже самим себе, кого любят. Вот это — истинный позор.

— А вы?..

— И я посмешище, — без тени смущения признался Август. Не стань он посмешищем, его бы ждал костёр. Он даже отцу не мог признаться в своей природе. — Мы боремся за то, чтобы следующие поколения не стали такими же.

Что дурного в гомосексуальности?

Разве можно судить обо всех по горстке распутников? В обычных, гетеросексуальных барах разврата куда больше, но никто не бросается слюной, обсуждая, какие все «натуралы» похотливые.

Порок — в характере, а не в склонности сердца.

Подлец останется подлецом, будь он с кем бы ни спал. Он не подлец потому, что любит мужчин; он просто подлец.

В прошлой жизни Август становился всё более замкнутым отчасти потому, что в университете раскрыл свою натуру. Ещё не успев по-настоящему влюбиться, он невольно выдал, что женщин не желает. Будь это единственной проблемой — ещё куда ни шло, но реальность куда мерзостней.

Вечно находились «доброжелатели», которые с таинственным видом заявляли: «Я, конечно, ничего не имею против геев... но вы же все там такие распушенные, да? Со всеми спите? Только, чур, не влюбляйтесь в меня — я натурал».

Те, кто произносил подобное, обычно были невзрачны, ленивы, бедны и не стремились ни к чему, кроме собственного комфорта. И всё же они свято верили, что Август непременно должен в них воцариться.

Без преувеличения — его от этого тошнило.

Стоило подумать о возможном общении, как перед глазами вставало это жирное, прыщавое, самоуверенное лицо. Постепенно Август закрылся от мира настолько, что однажды осознал: полгода он не произнёс ни слова вслух, все контакты сводились к клавиатуре.

Так жить было неправильно. Он хотел измениться, но не знал как — всякий раз, открывая рот в реальном мире, он снова видел ту рожу. Получив второй шанс, Август твёрдо решил: о своей природе он молчит. Не из стыда, а чтобы оградить себя от подобной скверны.

Ситуация Анны была иной, но корень один: когда тебе кажется, что ты опозорился навек, чьё-то слово может изменить всю твою жизнь.

Август надеялся, что её отвага не угаснет, и она не повторит его путь.

— Я искренне восхищаюсь вашей смелостью, — сказал он. — Думаю, здесь могло выйти недоразумение. Давайте проясним.

— К-как?

Август указал на себя:

— Я всё-таки аристократ. Не стоит недооценивать мои возможности.

Ему даже не пришлось являться лично. Один из рыцарей навёл справки — и всё встало на свои места.

Джон, в которого влюбилась Анна, действительно подмигивал ей, проходя мимо усадьбы. Это не было игрой воображения. Но причина была не в симпатии: это его друг был в неё влюблён. Друг же был застенчив до немоты, и Джон, желая помочь, взял инициативу в свои руки.

Вышло только хуже.

Джон и сам понял, что напортачил, хотел извиниться — но Анна уже убежала, сгорая от стыда.

К счастью, ей не пришлось встречаться с ним сразу. Август дал ей время прийти в себя, и она смогла принять правду.

— Кстати, а что тебя в нём привлекло? — поинтересовался Август. Они же даже не разговаривали. Как можно влюбиться? — Не то чтобы Джон был плох. Трудолюбивый, упорный, ведёт себя как подобает рыцарю... Но внешностью он не вышел.

Веснушчатое лицо разве что отец Джо со своим своеобразным вкусом мог счесть милым.

Или у Анны вкус тоже особенный?

<http://bllate.org/book/15929/1424235>